

Н. Н. Федорова

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ходе освоения предметного мира человек познает вещи и явления, дает им имена, формирует новые понятия, устанавливает между ними связи и взаимозависимости. Будучи полифункциональным, язык способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений, храня и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц, и удовлетворяет одновременно коммуникативные потребности человека [9].

Все сказанное, несомненно, верно, однако такое определение языка недостаточно, поскольку, во-первых, в нем не видно основного свойства языка — быть средством общения; во-вторых, при таком определении не совсем ясно, почему универсальным свойством всех единиц является асимметрический дуализм, согласно которому не только форма и семантика не находятся в однозначных отношениях, но и разные аспекты семантического плана единиц часто неизоморфны друг другу. По-видимому, связь между коммуникативными потребностями людей и остальными перечисленными свойствами языка обратна той, на которую указал Б. А. Серебrenников [9]. Именно для удовлетворения коммуникативных потребностей возникли названные и другие особенности языка. Удовлетворение коммуникативных потребностей предполагает, во-первых, целесообразность образования различных единиц, что означает функциональную обусловленность их форм и содержания, и, во-вторых, действенность языка, точнее, языковых произведений, что предполагает реализацию формального и семантического потенциала языка в соответствии с требованием прагматической достаточности [4].

Функцией предложения, т.е. тем, для чего оно существует, является моделирование. Следовательно, необходимо ответить на вопрос: моделью чего является предложение, что оно моделирует. Наиболее распространенным является утверждение о том, что предложение отражает ситуацию как некоторый фрагмент внеязыковой действительности. Представляется, что такое утверждение упрощает более сложные отношения, существующие между языковыми единицами и внеязыковой действительностью. И. Ф. Вардуль, по нашему мнению, достаточно убедительно показал, что буквальное понимание утверждения о том, что язык через свои единицы отражает реальную действительность, приводит к тому выводу, что вся реальная действительность является элементом языка [5]. Для того чтобы избежать этого, он ввел понятие идеального референта, под которым понимается отражение в сознании внеязыковых явлений,

представляющихся тем объектом, к которому отсылает единица, имеющая какое-либо значение. Введение этого понятия позволяет снять методологически неверное смещение значения знака с реальной действительностью и связанные с этим сложности в употреблении термина ситуации.

Идеальный референт — это отражение фрагмента реальной действительности, который возникает в результате обобщения, генерализации человеческого опыта, он строится по законам индуктивного отражения и в значительной степени является общим для разных языков в той мере, в которой совпадает опыт различных языковых коллективов. Именно ситуация как идеальный референт, на наш взгляд, и выступает оригиналом, моделью которого является предложение. Достаточно очевидно, что в номинативную семантику предложения должна войти как сама ситуация в качестве идеального референта, так и мысленная модель этой ситуации в качестве языкового референта поверхностной структуры предложения (термин И. Ф. Вардуля). Следовательно, уже сразу можно предположить, что подобие языкового референта и идеального референта, в данном случае ситуации, не может быть абсолютным в силу общего, коренного различия между моделью и оригиналом [6, с. 31]. Структурное подобие языкового референта и идеального референта может уменьшаться еще и тем, что формирование предложения как модели также подчиняется принципу прагматической достаточности, и, следовательно, результирующая модель в значительной степени зависит от условий ее использования.

Эта особенность единицы языка вообще отразилась в утверждении о том, что знаки имеют двукратную соотнесенность (двойное означивание у Э. Бенвениста, двойное членение у А. Мартине) с предметным рядом, точнее, с рядом идеальных референтов: 1) в качестве номинативных знаков — слов и словосочетаний — в системе номинации, в парадигматике; 2) в качестве или в составе предикативных знаков — фраз, высказываний — в актуальной речи, в синтагматике (Языковая номинация 1977, 8).

Как указывает Г. В. Колшанский, «сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию, отображающую диалектическое противоречие единичного и общего реальных предметов и явлений» [9, с. 12]. Номинативная функция языковой единицы заключается, соответственно, не только в прямом указании на предмет, но и в способности служить обозначением понятия об этом предмете.

В самом общем смысле можно поэтому считать, что любая языковая единица, наделенная содержанием и соотносимая постоянно с каким-либо экстралингвистическим объектом, выполняет номинативную функцию — она называет нечто.

Языковые единицы — слова, словосочетания, предложения — выполняют репрезентативную функцию в системе номинативных средств языка. Однако некоторые лингвисты считают, что «лишь слово, точнее говоря, знаменательное слово, является такой наименьшей языковой единицей, которая, обладая значением, характеризуется номинативной функцией и способностью выразить понятие» [12, с. 6], тогда как другие признают номинативную функцию служебных слов и морфем аффиксального типа, которые тоже «называют», хотя и не самостоятельно, а совместно с другими единицами [10, с. 13].

Не существует единого мнения также о статусе предложения как номинативной единицы в силу специфики именованного предложением. Некоторые лингвисты не признают за предложением способности именовать, подобно тому, как это делает имя, другие признают за предложением право быть в числе единиц номинации условно [10, с. 43], третьи считают, что «в общую теорию номинации (онотомалогию), наряду с разделом лексикологии, трактующим именованного отдельных элементов внешнего и внутреннего опыта человека, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения целостных событий» [2, с. 209].

За предложением признается способность иметь так называемую пропозитивную номинацию, имеющую «в качестве номинанта микроситуацию, т.е. событие, факт, объединяющий ряд элементов, и внешней формой ее является предложение» [14, с. 257]. Денотатом предложения, в отличие от денотата слова, в принципе не может быть «вещь, поскольку ситуация является совокупностью элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «оказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого предложения». Такая событийная номинация имеет две функциональные разновидности — языковую и речевую. На уровне языка как системы предложение в своей модели соотносится с определенным классом событий (ситуаций), который формируется в человеческом сознании путем отвлечения от множества однотипных ситуаций. Определенный класс событий (ситуаций) составляет сигнификат модели предложения.

Приведенные выше различные суждения о номинативной семантике языковых единиц важны не столько потому, что номинативность некоторыми исследователями рассматривается как свойство всех значащих единиц, но и потому, что во всех них либо имплицитно, либо эксплицитно отмечается двойственность самой номинации [9]. Двухнаправленность семантики языкового знака уже давно была отмечена в языкознании и семиотике, что нашло отражение в употреблении следующих пар терминов: “смысл” и “значение” у Г. Фреге, “значение” и “обозначение” у В. В. Виноградова, “значение” и “ценность” у Ф. де Соссюра. Термины “денотат” и “сигнификат” в различной мере отражают тот факт, что единица, имеющая номинативную функцию, должна, с одной стороны, выделить тот круг явлений, к которому отсылается реципиент, а с другой стороны, указывать на то, под каким углом зрения, в какой системе понятий описывается этот объект. Иными словами, в номинативном значении имеется аспект, определяемый необходимостью соотносить знак с внеязыковыми реалиями, и аспект, позволяющий определить место знака в языковой системе, используемой для номинации. В наиболее краткой форме, по-видимому, это выразил Ю. Д. Апресян, отметивший, что денотат указывает на то, что номинируется, а сигнификат — на то, как номинируется [1, с. 5-6]. Говоря о способности предложения быть единицей номинации, мы исходим из того, что номинативность — это способность указать на нечто, находящееся вне языка, при помощи языковых единиц. Мы опираемся на положения о том, что в основе семантической структуры предложения лежит некоторая ситуация, названная глаголом-сказуемым, что любое предложение — модель того, о чем говорится в нем, и что оно, следовательно, репрезентирует определенное состояние дел реальной действительности [6, с. 38].

В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения Д. Г. Богущевича [4], согласно которой обозначение чего-либо, т. е. именование, является общим и необходимым свойством всех языковых единиц. Различие между единицами заключается в том, как и для какой цели реализуется это свойство. Специфически предопределенный целью общения способ реализации этого свойства получает наименование функции, т. е. того, для чего существует данный класс единиц. Поэтому какой-либо элемент действительности может обозначаться (именоваться) единицами разных уровней: и словом (когда дается адрес какого-либо элемента или явления в когнитивной системе), и предложением (когда тот же элемент или явление обозначается как система взаимосвязанных компонентов, моделью которой выступает предложение), и сверхфразовым единством (когда тот же элемент или явление рассматривается как комплекс систем взаимосвязанных элементов). Поскольку при любом представлении (обозначении) какого-либо явления необходимо указать его место в когнитивной системе, то и в предложении, и в сверхфразовом единстве будут использованы номинативные единицы адресного типа, т. е. слова. При этом возможны случаи, когда какой-либо элемент или явление обозначены и словом (дается их адрес), и предложением (они представляются как системы взаимосвязанных явлений).

Выполняя моделирующую функцию, предложение осуществляет связь языка и мышления, которое в первую очередь является отражением реального мира [4, с. 10], и именно в мышлении отражение данной ситуации приобретает форму структуры, которую принято считать максимальной пропозицией. За единицу семантического моделирования принимается не структурная, синтаксическая схема предложения, а структура смысла, представляющая тот или иной стереотип структурирования мысли.

Семантическая структура предложения, представляя собой семантическое отражение в мышлении типовой ситуации в виде определенных смысловых структур, включает, по крайней мере, два слоя: 1) слой, отражающий описываемую ситуацию, и 2) слой, отражающий способ описания ситуации. Первый следует считать денотативным, а денотатом — моделируемую ситуацию, второй — сигнификативным, поскольку он отражает то, как в данном конкретном случае представлена ситуация, под какой тип отношений она подведена. Этот слой дает образ фрагмента внеязыковой действительности, реализуемый в реляционной модели, определяющей роли участников ситуации.

Интересным представляется вопрос о том, как формируются денотативная и сигнификативная структуры, есть ли в этих процессах определенная степень сходства или же они абсолютно различны. Как известно, взаимосвязь между человеком и существующей независимо от него действительностью имеет сложный характер. Этот процесс включает в себя онтологические и гносеологические элементы, поскольку человек не только запечатлевает, отражает в своем сознании существующий вне его предметный мир, но и познает его, осмысливает, формирует свою модель экстралингвистической реальности при помощи языковых средств (слово выступает как непосредственная действительность мысли): “Язык — это орудие не только коммуникации, но также формирования и экспликации мысли” [8, с. 110], “форма осуществления мышления”, а следо-

вательно, и познания окружающего мира. Любой язык располагает большим количеством моделей, при помощи которых говорящий описывает внеязыковые ситуации. Возможность понимания данных моделей слушающим, его способность представить ситуацию на их основе породили мнение, что элементы языковой модели однозначно соответствуют элементам объективной действительности, которые нашли свое отражение в структуре идеального референта.

Конечно, случаи изоморфизма между денотативной и сигнификативной моделями существуют, поскольку любая абстрактная модель, в данном случае модель какой-нибудь абстрактной ситуации, будучи наполнена языковым содержанием, может совпасть с какой-либо конкретной ситуацией. Однако это не говорит об обязательном совпадении в каждом отдельно взятом случае. Так как формирование денотативной и сигнификативной структур идет как бы параллельно, первая являясь "формой" фрагмента внеязыковой действительности, а вторая — "формой этой формы" [11, с. 34], то создаваемый говорящим текст представляет собой вербализацию активизированного в его сознании представления о внеязыковой ситуации. На этом этапе отмечаются наиболее существенные характеристики моменты ситуации, важные с точки зрения говорящего. Построить всеобъемлющую модель, которая включала бы все параметры до минимально значимых, не только невозможно, но и не нужно, так как любое моделирование определяется целью, а последняя — тем типом деятельности, в которую включено моделирование как один из ее этапов. Поэтому при любом моделировании всегда отражается только некоторая часть оригинала, которая является необходимой и достаточной для использования модели в данной конкретной деятельности.

На денотативном уровне модель представляет собой набор участников, партиципантов ситуации, и содержит указание на определенное действие, состояние, процесс, т. е. эта структура не организуется по законам языка. Модель сигнификативного уровня имеет организующий центр, которым является предикат и с которым соотносится определенное ему число аргументов в зависимости от его валентности. Предикат вместе со своими аргументами образует структуру, именуемую пропозицией, которая указывает на способ представления некоторого фрагмента внеязыковой действительности. Аргументы предиката выполняют семантические роли, которые на синтаксическом уровне манифестируются в виде членов предложения. Таким образом, любое предложение, построенное на основе какой-либо пропозиции, строго денотативно ориентировано. Это создает впечатление, что все компоненты денотативного уровня обязательно должны иметь свои корреляты на сигнификативном уровне и непосредственно входить в структуру пропозиции, т. е. речь идет об изоморфизме структур, формирующих один семантический аспект предложения — номинативный.

Наблюдение за языковым материалом показало, что однозначного соответствия не существует, что изоморфность структур не абсолютна, а относительна. В качестве доказательства этого утверждения можно привести тот факт, что в предложении реализуется не весь набор потенциальных элементов смысловой структуры, а только та необходимая их часть, которая отражает наиболее существенное ее свойство, играющее ведущую роль в данном конкретном случае. Это нашло отражение в известных положениях Э. Бенвениста и А. Мартине о двойном означивании и двойном членении, что объясняет возможность экспликации различными пропозициональными структурами одной и той же ситуации реальной действительности, как, например, в следующих предложениях:

1. She quickly moved the box with her slim hand.
2. Her slim hand quickly moved the box.
3. The box quickly moved.
4. The movement was quick.

Пропозиции данных предложений различаются набором аргументов, их количеством, а последнее — и самим типом пропозиции.

С другой стороны, многочисленны примеры, когда описываются разные ситуации, но качественные характеристики пропозиций одинаковы, что подтверждается как единством формальных характеристик, так и единством трансформационной (залоговой) парадигмы.

5. Ducane moved the candle... (Murdoch) — The candle was moved by Ducane.
6. As he mostly broke the bread... (Waten) — As the bread was mostly broken by him...

Все сказанное выше позволяет предположить относительную независимость пропозициональной структуры от отражаемой предложением ситуации и представить номинативную семантику предложения как взаимодействие двух структур, когда одна указывает на то, как некоторая ситуация рассматривается говорящим, а вторая — какие объективные связи рассматриваются. Иными словами, пропозиция показывает то, как, а состав изображает то, что моделируется предложением [3, с.92].

Следует отметить, что в состав предложения входит элемент, который участвует в образовании как сигнификата, так и денотата. Этим элементом является глагол-сказуемое. Как элемент словарного состава языка, глагол указывает на некоторую ситуацию, а как сказуемое, как формализация предиката, он является центральным, организующим компонентом пропозиции. Следовательно, лексико-семантические и синтаксико-семантические свойства глагола-сказуемого оказывают существенное влияние на формирование всей семантической структуры предложения. Поэтому исследование номинативной структуры предложения необходимо начинать с определения лексических и синтаксических параметров глагола. Первые помогут найти путь к пониманию структуры ситуации, поскольку глагол называет одно из важнейших свойств ситуации, а именно: свойства и отношения, которыми обладают в ней ее предметные компоненты. Вторая сторона поможет определить форму пропозиции, поскольку валентность глагола-сказуемого предполагает число аргументов и вид связи между ними в пропозиции.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М.: Наука, 1967.
2. Арутюнова Н. Д. Синтаксис. // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М.: Наука, 1972.
3. Богушевич Д. Г. Денотативные области и их отражение в предложении // Функционирование и развитие языковых систем. — Минск: Вышэйш. шк., 1990.
4. Богушевич Д. Г. Единица. Функция. Уровень. К проблеме классификации единиц языка. — Минск: Вышэйш. шк., 1985.
5. Вардуть И. Ф. Основы описательной лингвистики. — М.: Наука, 1977. — 351 с.
6. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
7. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1973.
8. Качнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972.
9. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. — М.: Наука, 1975.
10. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. — М.: Наука, 1986.
11. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. — М.: Высш. школа, 1981.
12. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1976.
13. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. — М.: 1970.
14. Языковая номинация (общие вопросы). — М.: Наука, 1977.

Summary

The article presents nominative semantics of a sentence as consisting of two structures, one pointing to a certain situation treated by a speaker, the other considering the way relations between its elements are shown.